

Г.Л. ВОРОНИН, В.Я. ЗАХАРОВ, П.М. КОЗЫРЕВА

**ИЗМЕРЕНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ ДОМОХОЗЯЙСТВ:
1994–2017 гг.¹**

Аннотация. В статье анализируется динамика устойчивости российских домохозяйств за последние два десятилетия и ее детерминанты. Используется методология измерения устойчивости, которую развивают межправительственные Организация объединенных наций (ООН) и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР); эмпирическая база исследования — данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS–HSE). Полученные результаты свидетельствуют о жизнеспособности российских домохозяйств: средние реальные душевые доходы семей, после двукратного сокращения в период кризиса (1994–1998), не только восстановились до предреформенного уровня, но и в период быстрого

Воронин Геннадий Леонидович — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор, кафедра общей социологии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

Телефон: +7 (499) 125-80-88. **Электронная почта:** voroningmail@rambler.ru

Захаров Владимир Яковлевич — доктор экономических наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; профессор, Институт экономики и предпринимательства.

Адрес: 603950, Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23.

Телефон: +7 (831) 240-09-66. **Электронная почта:** zacharov48@yadex.ru

Козырева Полина Михайлова — доктор социологических наук, первый заместитель директора, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН); заведующий Центром лонгитюдных исследований, Институт социальной политики НИУ «Высшая школа экономики».

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

Телефон: +7 (499) 125-80-88. **Электронная почта:** pkozyreva@isras.ru

¹ В данной статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

роста (2000–2007) превысили его на треть. Стратегии повышения потенциала устойчивости домохозяйств меняются в зависимости от экономических спадов и подъемов. Показано, что снижение доли домохозяйств с доходами менее прожиточного минимума по мере роста ВВП сопровождается усилением неравенства в потенциалах устойчивого развития между бедными и более обеспеченными семьями в течение всего исследуемого периода и особенно в 2008–2017 гг. Разрозненные точечные меры по снижению бедности могут дать более высокий синергетический эффект, если домохозяйства с доходами менее прожиточного минимума рассматривать как сложную социально-экономическую систему.

Ключевые слова: устойчивость домохозяйств; шоки и стрессоры; концептуальные и аналитические модели измерения устойчивости; детерминанты устойчивости; социальная политика.

Для цитирования: Воронин Г.Л., Захаров В.Я., Козырева П.М. Измерение устойчивости домохозяйств: 1994–2017 гг. // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 1. С. 55–86. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7053

Введение

В последние два десятилетия разного рода потрясения (экологические, социальные и экономические) происходят все чаще и наносят все больший урон. К примеру, в 2011–2015 гг. глобальный ущерб от стихийных бедствий в годовом исчислении был вчетверо больше, чем 30 лет назад (с поправкой на инфляцию) [9, с. 9]. Наибольшие потери от потрясений несут люди, домохозяйства, небольшие предприятия; слабым звеном являются мелкие производители сельскохозяйственных продуктов и продуктов питания.

В качестве объекта исследования мы избрали домохозяйства по двум причинам: а) домохозяйства, как нам представляется, являются самым хрупким элементом в системе обеспечения устойчивого развития стран; б) мы полагаем, что домохозяйства (семьи) всегда были и будут основой социальной и экономической устойчивости любой нации.

Две концепции устойчивого развития. К началу 2000-х годов формируется концепция устойчивого развития (*sustainable development*), согласно которой цель развития любого общества заключается в повышении качества жизни людей таким образом, чтобы удовлетворение потребностей сегодняшних поколений не ставило под угрозу удовлетворение потребностей будущих поколений и при этом обеспечивалось бы улучшение окружающей среды [30; 33]. Фундаментальная основа устойчивого развития стран — экономический рост — поддерживается до тех пор, пока выгоды роста справедливо распределяются в обществе [7]. Особое значение придается технологическим инновациям, которые создают новые ресурсы и повышают эффективность использования существующих, разрешая противоречие, заложенное в самом понятии устойчивого развития [31].

После кризиса 2008–2009 гг. активно развивается концепция устойчивого развития (*resilience development*), в рамках которой наращиваются усилия по повышению устойчивости (*resilience*) взаимосвязанных систем разного уровня (домохозяйство, компания, экосистема) внутри страны [23]. Считается, что потрясения (шоки и стрессоры) неизбежны, часто непредсказуемы (ибо взаимосвязи в сложной системе скрыты), они имеют разную природу и разные причины, их появление и воздействие сильно зависят от контекста, а их негативные последствия могут быть преодолены посредством развития поглощающего, адаптационного и трансформационного потенциала систем [28].

Два подхода к устойчивому развитию, назовем их S-устойчивость (*sustainability*) и R-устойчивость (*resilience*), имеют общий фундамент и цели, но различаются акцентами относительно актуальности проблем устойчивого развития и инструментов их решения. Эти подходы органично дополняют друг друга.

Цель настоящей статьи — представить результаты анализа динамики и детерминант устойчивости российских домохозяйств за последние два десятилетия в рамках концепции R-устойчивости. Мы искали базу данных, которая, с одной стороны, обеспечивала бы максимальный временной охват условий развития домохозяйств, с другой — была бы максимально близка к наиболее развитой методологии исследований устойчивости домохозяйств, какой мы считаем методологию RIMA-II Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO) [32] и ОЭСР [28]. Такая база данных в России — это «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS–HSE).

Наши основные исследовательские вопросы: какие российские домохозяйства были наиболее подвержены социальным, экономическим и политическим шокам? какие стратегии преодоления шоков домохозяйств были успешными? как менялось влияние детерминант на устойчивость домохозяйств на разных этапах постсоветского развития России?

Методология измерения устойчивости домохозяйств

База данных. Данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS–HSE)<?>, на которые мы опирались, содержат информацию по 22 волнам опросов, выполненных в 1994–2017 гг. Опросы не проводились только в 1997 и 1999 г., две отсутствующие точки мы определяли методом аппроксимации. RLMS–HSE — это лонгитюдное (панельное) обследование домохозяйств на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки, разработанной при участии ведущих мировых экспертов [6; 29]. Методологию измерения устойчивости домохозяйств, предложенную FAO и ОЭСР, мы адаптировали к используемой базе данных.

Объект исследования. Домашнее хозяйство, согласно определению Росстата, представляет собой совокупность лиц, проживающих в одном жилом помещении или его части, как связанных, так и не связанных родством, совместно обеспечивающих себя всем необходимым для жизни, полностью или частично объединяя и расходуя свои средства. Домохозяйство является центром принятия решений относительно стратегий преодоления шоков и потому становится исходным пунктом анализа устойчивости экономики страны.

Предмет исследования. Устойчивость российских домохозяйств в постсоветский период — 1994–2017 гг.

Концептуальные рамки измерения устойчивости. Предполагается, что благополучие домохозяйств является результатом взаимодействия характеристик домохозяйств, потенциалов их устойчивости; изменений во внешней среде (шоков и стрессоров); реакций домохозяйств на эти изменения (стратегий действий).

Шоки. Если риск — это вероятность события и его последствий, то шок (положительный или отрицательный) возникает тогда, когда это событие, часто неожиданное и оказывающее сильное воздействие на благополучие домохозяйства, становится реальностью. От количества, частоты, скорости развития и интенсивности (силы) шоков зависит способность домохозяйств справляться с возникшими проблемами. Интенсивность шоков оценивается по уровню потенциальных или фактических потерь от них [32].

Обычно люди и домохозяйства лучше справляются с сильными (интенсивными), но относительно редкими шоками и стрессами (когда у них есть время на восстановление), чем со стрессами низкого уровня, но хроническими (когда у домохозяйств нет времени на восстановление) [20; 21]. Второй тип шоков наиболее опасен, потому что на небольшие стрессы поначалу не обращают внимания из-за их кажущейся незначительности; но их аккумулятивное негативное давление постоянно растет, и в какой-то момент времени небольшие возмущения приводят к качественно иному состоянию системы (связь между шоками и устойчивостью нелинейная) [24].

Мы рассматриваем преимущественно внешние (экзогенные) по отношению к домохозяйствам, социальные и экономические шоки (созданные людьми). Такие шоки относятся к категории общих для многих домохозяйств (ковариантных), а не индивидуальных (идиосинкразических).

Устойчивость домохозяйства. Методология RIMA-II основывается на определении устойчивости как способности домохозяйства восстанавливаться до прежнего уровня благополучия после шока [19; 20]. Оно близко к более поздним определениям устойчивости как потенциала, благодаря которому шоки не приведут к продолжительным негативным последствиям для развития [18; 22; 35].

Основные концептуальные модели устойчивости, разработанные такими организациями, как United States Agency for International Development, USAID, 2013 [24]; United Nations Development Programme, UNDP, 2014 [26]; Food Security Information Network, FSIN, 2014 [22]; Department for International Development, DFID, 2016 [34]; Food and Agriculture Organization, FAO, 2016 [32], поскольку все они основываются на теории изменений, включают в себя три основных этапа процесса управления устойчивостью: 1) исходное состояние и возможности, то есть исходные потенциалы устойчивости, первоначальное благополучие и уязвимость (*ex-ante*); 2) изменения, то есть шоки и стратегии (действия) по их преодолению; 3) результаты изменений, то есть последующие состояния и траектории потенциалов устойчивости, благополучия и уязвимости (*ex-post*); прирост качества жизни или благополучия людей — важнейший конечный результат (цель) управления устойчивостью.

В работе Кристофера Бене, Рэйчел Вуд и др. [19] впервые было предложено, а затем и поддержано другими исследователями [28; 32], рассматривать три потенциала устойчивости, каждый из которых вносит свой вклад в общий потенциал устойчивости домохозяйств, отражая одну из трех стратегий реагирования на возмущения.

Поглощающий потенциал. Это способность домохозяйства подготовиться к шокам, то есть предотвратить их или смягчить (минимизировать их воздействие). В качестве индикатора способности поглощать возмущения принимается размер нанесенного ущерба — точка, в которой падение благополучия домохозяйства будет остановлено, прежде чем домохозяйство станет неспособным к дальнейшему реагированию. Это характеристика чувствительности, или уязвимости, домохозяйства по отношению к шокам.

Адаптационный потенциал. Это способность домохозяйства провести такие изменения в своих характеристиках и поведении, которые позволят ему вернуться к прежнему уровню благополучия с меньшими потерями (без потери критически важных функций) и как можно быстрее. Этот потенциал измеряется временем, необходимым для преодоления последствий шоков (скоростью восстановления). В адаптационном потенциале следует выделить две составляющие: а) способность домохозяйства изменяться в ответ на изменения во внешней среде, и б) способность домохозяйства улучшать свои условия в собственной внешней среде.

Трансформационный потенциал. Это способность домохозяйства измениться при воздействии шока настолько, что его благополучие становится выше прежнего благодаря усилению существующих и созданию новых функций, критически важных для будущего устойчивого развития. Нассим Талеб называет такую реакцию гиперреакцией, или гиперкомпенсацией, работой на пределе; он видит в ней одну из форм избыточности, которая в спокойных условиях кажется пустой тратой ресурсов, а на самом деле создает новые мощности и силы, фактически

новую систему-домохозяйство, которая способна успешно реагировать на более мощные будущие шоки [16, с. 77–79].

Наращивание потенциала устойчивости домохозяйств является процессом разработки и освоения новых технологий. На этот процесс влияют две группы факторов: а) внутренняя способность домохозяйства находить новые решения и инструменты их реализации, генерирующие новые возможности развития; б) наличие во внешней среде институтов и сетей, способных накапливать и распространять (обучать других) необходимые знания и опыт.

Детерминанты и индикаторы устойчивости домохозяйств

Наличие базовых услуг (и соответствующей им инфраструктуры), таких как школы, медицинские учреждения, вода, электричество и рынки, асфальтированные дороги, определяет условия и возможности развития домохозяйств и является фундаментальным аспектом устойчивости. Исследования подтверждают связь между доступом к базовым услугам до шока и скоростью восстановления после него. Этот фактор детерминирует подверженность шоку. Анализируется наличие базовых услуг; стоимость доступа к услугам; общественное восприятие доступности и качества услуг, безопасности.

Активы (производственные и непроизводственные) создают доходы, которые позволяют получить товары и услуги, формирующие потенциал устойчивости домохозяйств. Более высокий уровень благосостояния снижает вероятность падения потребления. Более широкий доступ к производственным активам гарантирует быстрое восстановление благополучия после шока.

Исследования показывают, что размер домохозяйств (число его членов) уменьшает величину потерь от шоков, поскольку способствует диверсификации рисков и сглаживает влияние шоков. Если домохозяйство возглавляет женщина, то это увеличивает потери и снижает скорость восстановления после шока. Наращивание интенсивности конфликтов в домохозяйствах приводит к резкому снижению их устойчивости.

Общий доход домохозяйства является критически важным фактором при работе с шоками; он измеряется как сумма результатов всех видов деятельности, которыми занимается домохозяйство. Многие домохозяйства имеют несколько и постоянно меняющихся источников дохода. Более высокий доход приводит к более высокому уровню сбережений, что важно для восстановления после шока. Анализируется уровень общего дохода и его динамика; количество видов деятельности, приносящих доход; структура источников общего дохода; статус занятости членов домохозяйства.

Формальные и неформальные сети социальной защиты. Государственные и частные трансферты (в денежной или натуральной форме) нередко составляют значительную часть годового дохода домохозяйств. Доступ к различным формам трансфертов является важным

показателем социальной сплоченности: чем выше социальный капитал, тем проще доступ к трансфертам. Улучшение доступа к кредитам и субсидированию благодаря программам социальной защиты и страхования является сильным рычагом воздействия на устойчивость домохозяйств, способствует быстрому восстановлению домохозяйства после шока.

Там, где официальные ресурсы поддержки менее доступны, неформальный сектор может быть ключевым источником социальной защиты: как показывают исследования, неофициальные переводы составляют от 35 до 75 процентов официальных трансфертов в развивающихся странах. Далеко не всегда неофициальная помощь (родственников и друзей) может защитить домохозяйства от потрясений, поэтому формальные и неформальные сети защиты дополняют друг друга. Измеряется частота и размеры получаемых трансфертов, их доля в общем доходе домохозяйства.

Демографическая структура домохозяйства (и здоровье его членов) влияет на его адаптационные возможности. Чем выше уровень грамотности, знаний и навыков членов домохозяйств, тем выше его потенциал устойчивости. Наименее образованные и менее квалифицированные члены общества, вероятно, будут наиболее уязвимыми к опасностям. Томас Пикетти отмечает, что в долгосрочной перспективе главной силой, которая ведет к выравниванию условий жизни, является распространение знаний и навыков [11, с. 17]. Количество лет обучения часто используется в качестве прокси показателя знаний и навыков.

Самый сильный шок, кардинально изменивший условия жизни домохозяйств в России, — глубокий и продолжительный трансформационный кризис с его социальными, экономическими и политическими последствиями.

Динамика российского валового внутреннего продукта (ВВП) отчетливо указывает на наличие трех этапов прохождения периода трансформационного шока: 1) резкий спад экономики (1991–1998); 2) стремительный восстановительный рост (1999–2007); 3) торможение роста с последующим появлением признаков его ускорения. В долгосрочной перспективе, на фоне глубокого трансформационного спада, две последние рецессии (2008–2009 и 2014–2016 гг.) выглядят как небольшие заминки роста, на что обратил внимание журнал «Эксперт».

Динамика ВВП рассматривается как сильный системный фактор, влияющий на устойчивость домохозяйств. В качестве ключевой детерминанты потенциала устойчивости домохозяйства принимаются его *общие денежные доходы*. Такой подход позволяет выявить и оценить стратегии, которые использовали российские домохозяйства для повышения своей устойчивости.

В российских исследованиях на микроуровне в качестве основных факторов благосостояния домохозяйств выделяются: размер домохозяйства, его гендерный состав, возрастная структура, детская нагрузка, уровень образования, занятость его членов [10]. В этом исследовании,

сделанном на базе данных RLMS—HSE, мы анализировали влияние на устойчивость и поведение российских домохозяйств: *динамики ВВП* — проведен регрессионный анализ характеристик домохозяйств отдельно по трем временным интервалам: 1994–1998 гг. (спад), 2000–2007 гг. (рост) и 2008–2017 гг. (флуктуации); *социально-демографического состава домохозяйств* (структуры семей по полу, возрасту, образованию, статусу занятости и здоровью их членов) и *структуры доходов домохозяйств*, а также *типа поселения*.

Результаты исследования

Денежный доход домохозяйств и ВВП. Наши данные показывают, что Россия относится к странам, в которых наблюдается сильная положительная связь между ВВП и денежными доходами домохозяйств (коэффициент корреляции Пирсона равен 0,949 при $p < 0,001$). Иными словами, динамика ВВП оказывает прямое воздействие на устойчивость домохозяйств. Как менялся доход домохозяйств при изменении ВВП, показано на рисунке 1. Рост ВВП стимулирует рост общих доходов домохозяйств. В то же время мы видим различный уровень взаимосвязи ВВП и доходов домохозяйств в периоды кризиса (1994–1998 гг.), роста (2000–2007 гг.) и флуктуации (2008–2017 гг.).

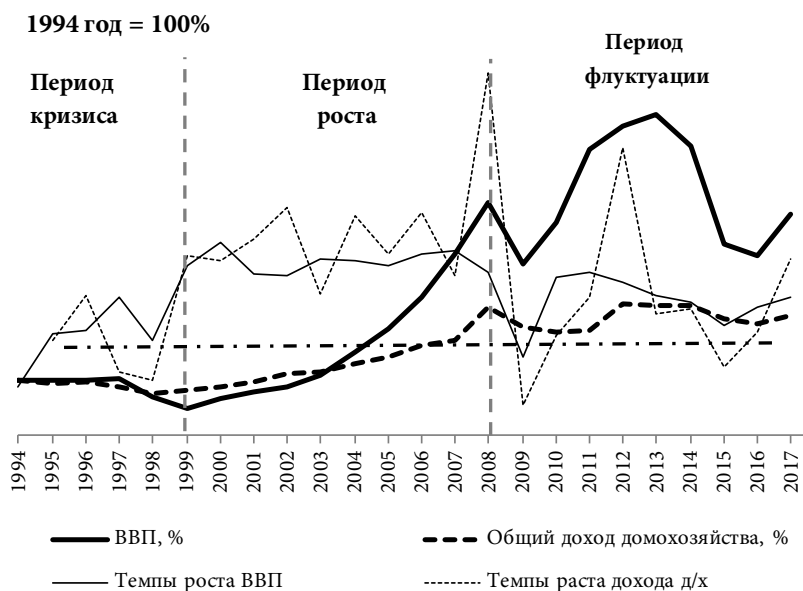

Рис. 1. Динамика изменения уровня совокупного семейного дохода* (по данным RLMS—HSE) и величины валового внутреннего продукта (ВВП, по данным Росстата), %

*Общий доход домохозяйств в 1997 и 1999 г. рассчитан как среднее между предыдущим и последующим значениями.

У переменных совокупного семейного дохода и уровня ВВП наблюдается разная динамика на этапах прохождения периода трансформационного шока (рис. 1). Считается, что различия между этими показателями зависят от двух основных факторов: а) какая доля произведенного ВВП остается в стране, не вывозится нерезидентами; б) какая часть ВВП остается у домохозяйств по сравнению с государством, корпорациями и за вычетом налогов. Реже упоминается, что в кризисные периоды со всей очевидностью проявляется влияние еще одного, не менее важного фактора — потенциала устойчивости домохозяйств, определяющего, шоки какой силы и частоты способны выдержать домохозяйства без ущерба для своего благополучия.

В России во время глубокого экономического кризиса 1991–1998 гг. денежные доходы семей падали быстрее, чем уровень ВВП: в 1998 г. реальная заработная плата (без учета скрытой части) составила 27,2% от уровня 1991 г.; реальные располагаемые денежные доходы — 42,6%; пенсия — 29,1% [10, с. 6]. В этот период потенциал устойчивости домохозяйств резко сократился, шок был неожиданным по своей силе и продолжительности, его интенсивность значительно превышала имеющиеся у домохозяйств возможности для противодействия ему (поглощающий потенциал). Статистика Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) подтверждает, что в тех странах, которые более других уязвимы и несут наибольшие потери от очередного экономического кризиса, денежные доходы домохозяйств сокращаются быстрее, чем ВВП. Глубина и продолжительность экономического шока, который выпал на долю России, были уникальными в сравнении с динамикой других крупных стран в последние десятилетия.

В период экономического роста, 2000–2007 гг., фиксируется самая сильная взаимосвязь между уровнем ВВП и совокупным доходом домохозяйства (рис. 1). Корреляционный анализ обобщенных показателей по годам исследования показал наличие этой зависимости на уровне 0,968 (коэффициент корреляции Пирсона), $p < 0,001$. При этом рост совокупных доходов домохозяйств значительно отстает от роста ВВП.

Адаптационный потенциал домохозяйств в период экономического роста стал быстро наращиваться. В целом за 1998–2007 гг. средние душевые реальные денежные доходы в ценах 1991 г. выросли в три раза, валовой внутренний продукт увеличился в 1,8 раза [10, с. 6]. Л.Н. Овчарова отмечает, что в 2007 г. реальные средние душевые доходы достигли 130,8% от предреформенного уровня [10, с. 7].

В третий период, 2008–2017 гг., назовем его периодом флуктуации, взаимосвязь между этими переменными не является статистически значимой.

В кризис 2008–2009 гг. в России и ВВП, и денежные доходы населения резко упали, но быстро восстановились [4; 8; 12]. В большинстве

стран ОЭСР ВВП резко снизился в начале этого кризиса, в целом же влияние кризиса на доходы домашних хозяйств было менее выраженным, чем в России [25]. Российское правительство, как и правительства стран ОЭСР, вмешалось, чтобы смягчить негативное влияние кризиса на доходы домашних хозяйств; доходы российских домохозяйств стали расти быстрее ВВП, как и в странах ОЭСР. Рецессия 2014–2016 гг. изменила этот тренд в России. ВВП упал на 4% и в 2016 г. начал восстанавливаться; снижение денежных доходов домохозяйств продолжалось более трех лет, и накопленные потери за 2014–2017 гг. составили 11,5% [8; 15]. В ряде стран ОЭСР превышение роста ВВП над ростом доходов домохозяйств зафиксировано с 2010 г. при отсутствии рецессий [25].

Приведенные данные свидетельствуют о жизнеспособности российских домохозяйств: средние реальные душевые доходы семей, после двукратного сокращения в период кризиса, не только восстановились до предреформенного уровня, но и в период быстрого роста превысили его почти на треть. Экономический шок был сильным и неожиданным, домохозяйства понесли тяжелые потери. Последующая трансформация привела к росту адаптационного потенциала домохозяйств, который проявился в новых стратегиях поведения. Формирование трансформационного потенциала и домохозяйств, и экономики в целом, способного обеспечить в дальнейшем устойчивый экономический рост, было прервано рецессией 2014–2016 гг. Это очевидный сигнал о том, что условия экономического развития изменились и необходима дальнейшая коррекция как поведения домохозяйств, так и экономической политики в стране.

Стратегии поведения домохозяйств на разных этапах прохождения периода трансформационного шока. В регрессионном анализе в качестве зависимой переменной мы используем общий доход домохозяйства как ключевой индикатор потенциала устойчивости, а в качестве независимых — две группы переменных:

1) социально-демографический состав домохозяйств: сконструированы переменные, фиксирующие социально-демографические структуры семей по полу, возрасту, образованию, статусу занятости и здоровью их членов;

2) структура доходов домохозяйств.

Влияние социально-демографических характеристик домохозяйств на потенциал их устойчивости. Социально-демографические структуры по определению более инерционны, чем экономическое поведение (структура доходов), для их формирования и изменения требуется больше времени. Они описывают возможности домохозяйства генерировать денежные доходы с точки зрения объема (количества) трудоспособной рабочей силы; уровня вовлеченности в виды деятельности, приносящей доходы; качества человеческого капитала (образование,

квалификация, креативность), определяющего уровень доходности и ее устойчивость. Это стратегические детерминанты, формирующие адаптивную способность домохозяйств и обуславливающие их устойчивое развитие в долгосрочной перспективе.

В таблице 1 представлены результаты линейного регрессионного анализа влияния социально-демографических детерминант на общий денежный доход домохозяйств на трех этапах работы с трансформационным шоком.

Таблица 1

Результаты линейного регрессионного анализа социально-демографических детерминант дохода домохозяйств в периоды 1994–1998, 2000–2007 и 2008–2017 гг.

Член модели	1994–1998 гг.		2000–2007 гг.		2008–2017 гг.	
	Коэффициент	Важность, %	Коэффициент	Важность, %	Коэффициент	Важность, %
Период						
Количество домохозяйств	13696		25976		47619	
Информативность модели, %	8,1		16,7		18,5	
Свободный член — доля лиц, проживающих в семье:	1922,25	–	1776,53	–	6134,89	–
1 взрослых от 15 до 72 лет	44,5	100,0	61,968	43,4	65,413	15,4
2 женщин с высшим образованием	60,8	73,9	87,225	88,4	108,42	72,3
3 работающих мужчин	59,2	59,1	106,819	90,4	137,896	49,3
4 работающих женщин	53,4	58,6	98,799	100,0	105,969	100,0
5 взрослых 73 года и старше	41,6	55,7	62,714	39,9	90,349	26,7
6 мужчин, употребляющих алкоголь (18+)	30,1	36,5	20,294	9,1	30,272	6,8
7 мужчин с высшим образованием	52,7	21,7	70,266	32,8	92,442	29,5
8 женщин со средним специальным образованием	23,5	20,7	–12,631	2,5	–	–
9 женщин, работающих на госпредприятии	–27,8	15,3	14,981	4,0	21,99	6,2
10 мужчин с общим средним образованием	–20,7	10,8	–23,142	7,1	–	–
11 мужчин, работающих на госпредприятии	–24,1	10,3	–46,567	17,7	–33,161	2,4
12 мужчин, работающих на частном предприятии	27,4	7,4	35,346	9,6	6,669	0,0

Член модели	Коэффициент	Важность, %	Коэффициент	Важность, %	Коэффициент	Важность, %
13 инвалидов (18+)	-87,3	6,4	26,951	9,1	28,979	10,3
14 женщин-предпринимателей	32,0	4,9	-	-	-	-
15 курящих мужчин (18+)	-10,2	3,9	-13,726	4,0	-34,74	8,2
16 женщин, работающих на частном предприятии	23,2	3,4	-49,093	22,2	-21,76	2,1
17 оценивающих свое здоровье как хорошее (до 18 лет)	5,9	2,5	18,79	14,1	17,534	5,1
18 мужчин со средним специальным образованием	-13,7	1,5	12,531	1,5	12,487	0,7
19 детей до 15 лет	-	-	9,307	0,5	-15,314	0,3
20 детей, имеющих хронические заболевания (до 18 лет)	-	-	-49,268	1,5	-	-
21 женщин, работающих на частном предприятии	-	-	26,075	5,1	-	-
22 имеющих хронические заболевания (18+)	-	-	3,153	0,5	17,616	6,8

Анализ взаимосвязей переменной «уровень среднедушевого дохода домохозяйства» и социально-демографических характеристик семьи показал, что есть общее и особенное в демографических стратегиях повышения устойчивости домохозяйств на различных этапах экономического развития.

Во-первых, полученные результаты позволили идентифицировать наиболее значимые характеристики домохозяйства (они входят в первую пятерку по значимости), повышающие его устойчивость на всех этапах преодоления трансформационного шока. К ним относятся: доля работающих мужчин и женщин (в первую очередь мужчин); доля мужчин и женщин с высшим образованием. Более устойчивы домохозяйства, способные обеспечить занятость и высокую квалификацию своим членам. Отсюда — стремление людей к полной занятости и повышению образования во все времена, и социальная политика государства, поддерживающая эти устремления людей.

Да, всегда имеет значение доля экономически активных членов семьи, способных в той или иной форме участвовать в увеличении ее доходов. Этот фактор особенно важен во время глубокого и продолжительного кризиса, когда он выходит на первое место по значимости,

ибо для многих домохозяйств речь идет о выживаемости. В периоды экономического роста, когда быстрее других растут эффективные рабочие места, повышается значимость качества человеческого капитала, и доля экономически активных членов семьи уходит на 4–6 место.

Доля пенсионеров в семье, приносящих невысокие, но стабильные доходы, — важный элемент устойчивости для подавляющего большинства домохозяйств, значение которого не снижается со временем; их стабилизирующая роль усиливается в период флуктуаций. Поэтому семьи так чувствительны к изменениям в пенсионном законодательстве, а правительства, невзирая на экономические трудности, стремятся поддерживать уровень пенсионного обеспечения.

Для некоторых категорий семей этот фактор особенно важен. Например, доля инвалидов в семье — критически важный параметр, такие семьи беззащитны перед экономическими потрясениями, помощь государства для них чрезвычайно важна. Вовремя оказанная государственная поддержка меняет характер связи между доходами семьи и долей инвалидов: из отрицательной зависимость превращается в положительную. Активная социальная поддержка играет большую роль в жизни одиноких пожилых, что было показано в наших исследованиях [3].

Влияние структуры доходов домохозяйств на потенциал их устойчивости. Структура доходов семей определяется, с одной стороны, рыночным спросом на различные виды деятельности и уровнем их рентабельности (выгодности для домохозяйств), с другой — возможностями домохозяйств (их ресурсами, активами, адаптивной способностью) увидеть и удовлетворить этот спрос. Стратегии домохозяйств, как правило, включают в себя одновременно несколько направлений действий, состав и значимость которых меняются в зависимости от этапа преодоления шока, типа домохозяйства, результативности принимаемых им мер и политики государства.

В таблице 2 представлены результаты линейного регрессионного анализа влияния различных источников денежного дохода домохозяйств на его общий размер в зависимости от этапа трансформационного шока.

В кризис 1994–1998 гг. самую высокую значимость для поддержания устойчивости домохозяйств имеет работа на государственных предприятиях. Чем глубже и продолжительнее спад, тем сильнее выражено стремление людей работать на государственных предприятиях, особенно крупных, шансы которых устоять и преодолеть кризис были выше. Когда появляются возможности для экономического роста, на них реагируют и государственные, и частные предприятия, но последние, как правило, делают это активнее. В период роста члены домохозяйства более ориентируются на работу на частных предприятиях (она выходит на первое место), чем на государственных.

Таблица 2

Результаты линейного регрессионного анализа источников бюджетных поступлений домохозяйств в периоды 1994–1998, 2000–2007 и 2008–2017 гг.

Член модели	1994–1998 гг.		2000–2007 гг.		2008–2017 гг.	
	Коэффициент	Важность, %	Коэффициент	Важность, %	Коэффициент	Важность, %
Период	1994–1998 гг.		2000–2007 гг.		2008–2017 гг.	
Количество домохозяйств	13694		25976		47618	
Информативность модели, %	32,2		39,6		36,7	
Свободный член — источник дохода д/х:	1281,3	–	3676,19	–	8950,61	–
1 работа на гос. предприятиях	0,4	100,0	0,312	63,7	0,224	78,5
2 работа на частных предприятиях	0,6	67,8	0,42	100,0	0,244	100,0
3 продажа с/х продукции	0,6	48,5	0,346	1,5	0,143	0,3
4 продажа валюты и драгоценностей	68,4	36,8	3,609	26,3	4,381	43,3
5 денежные займы	2,8	35,6	3,274	19,5	5,024	14,3
6 помощь родственников	1,1	31,4	0,939	25,4	0,688	17,1
7 пенсии	0,3	29,7	0,261	10,0	0,269	37,5
8 работа на предприятиях смеш. формы собственности	1,7	19,7	0,605	9,7	2,535	5,5
9 пособия на детей	–1,8	11,7	–10,399	19,2	–11,161	25,3
10 продажа недвижимости	74,8	10,9	240,754	1,8	1565,50	2,4
11 вложение капитала	458,0	9,2	2862,36	4,1	2408,26	3,4
12 другое	0,8	6,3	0,457	3,2	0,492	1,7
13 денежные накопления	1,7	4,6	1,025	0,3	1,56	0,3
14 продажа скота	4656,8	4,2	362,505	6,2	680,534	4,4
15 помощь организаций	253,8	1,3	451,919	0,6	611,134	0,7

**Все виды доходов домохозяйств указаны в ценах 2017 года.*

В кризис 1994–1998 гг. домохозяйства одновременно: наращивают продажи продукции личного подсобного хозяйства (третий по значимости фактор), что более всего характерно для жителей села, и сглаживают потребление [1; 14], в частности уменьшают потребление качественных и более дорогих продуктов питания, уходя от рекомендованных медиками норм потребления; при быстром падении уровня располагаемых доходов наблюдается повышение доли расходов на питание в семейных бюджетах (до 54% в 1999 г.).

В сложные времена приходится продавать валюту и драгоценности; высока роль помощи родственников и друзей. Менее значима стратегия сглаживания активов — продажа недвижимости или скота, поскольку такая стратегия снижает шансы домохозяйства на последующее восстановление.

В период экономического роста в разы падает значимость продажи продукции личного подсобного хозяйства; доля расходов на питание снижается до 31% в 2007 г.; растет потребление качественных продуктов питания, но восстанавливается оно не полностью. Постепенно возрастает значимость пенсий (на пенсии приходится более двух третей всех социальных трансфертов), что связано как со старением населения, так и с желанием правительства затормозить нарастание социального неравенства во время экономического роста. При этом средняя пенсия остается на уровне 32–35% к средней заработной плате. В период флуктуаций семьи меньше берут в долг, и существенно большее значение приобретают пенсии.

Наблюдая за динамикой источников денежных доходов населения на протяжении последних 25 лет, мы видим, как чувствительна устойчивость домохозяйств к мерам государственной социальной политики [5; 13].

Доля лиц, проживающих в семьях с доходом ниже прожиточного минимума, как ключевой индикатор устойчивости национальной системы домохозяйств. Индикатором устойчивости домохозяйств является, на наш взгляд, доля лиц, проживающих в семьях с доходом ниже прожиточного минимума, и еще более — его динамика. На рисунке 2 представлена динамика этого индикатора за все годы проведения исследования.

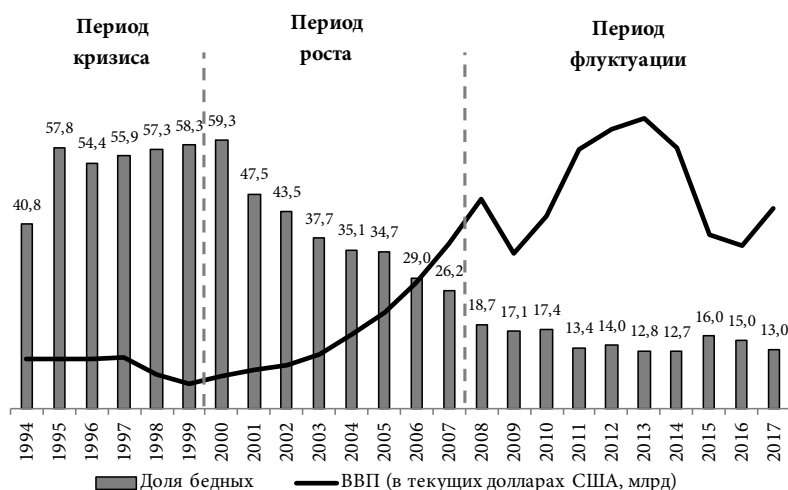

Рис. 2. Динамика изменения уровня семейной бедности*
(по данным RLMS–HSE, %) и величины валового внутреннего продукта (ВВП, по данным Всемирного банка², млрд долларов)

*Среднедушевой доход семьи ниже официально установленного уровня прожиточного минимума на год проведения опроса.

² Валовой внутренний продукт (в текущих долларах США), см.: URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2017&locale=ru&locations=RU&start=1989&view=chart>

Зафиксирована статистически значимая сильная отрицательная корреляционная зависимость между уровнем валового внутреннего продукта и долей семей с доходами ниже прожиточного минимума (коэффициент корреляции Пирсона равен $-0,969$, $p < 0,01$). Низкий уровень ВВП провоцирует высокую долю бедных семей и бедного населения. Вместе с тем показатель уровня семейной бедности отличается высокой амплитудой колебаний — существенно более высокой, чем амплитуда изменений ВВП и денежных доходов населения.

По данным статистики, после либерализации цен в 1992 г. доходы 70% российских граждан опустились ниже уровня прожиточного минимума советского периода. Было принято решение вдвое уменьшить стоимость минимальной потребительской корзины, в результате доля бедных сократилась до одной трети [10, с. 25].

По данным RLMS—HSE, в 1998 году уровень бедности стремительно повысился до 93,1%, то есть 9 из 10 жителей России оказались за чертой бедности. Доля бедных выросла по сравнению с 1994 г. более чем вдвое, тогда как темпы снижения денежных доходов домохозяйств и ВВП были в разы меньше. Только один из десяти опрошенных был удовлетворен своей жизнью [2], девять из десяти опрошенных не верили, что правительство сможет вывести страну из кризиса. В этом году в стране появилось новое правительство, а через два года — новый президент.

На этапе быстрого роста, с 2000 по 2007 г., доля семей со среднедушевым доходом ниже прожиточного минимума уменьшилась более чем вдвое, с 59,7% до 25,6%, — в большей степени, чем выросли ВВП и денежные доходы домохозяйств. На этапе флуктуаций индикатор семейной бедности был менее чувствителен к изменениям ВВП и денежных доходов домохозяйств, колеблясь на уровне 14–18%.

Анализируя эти данные, мы отдаем себе отчет в том, что устанавливаемые правительством размеры минимального прожиточного минимума не всегда основываются на научно подтвержденных данных; реальные показатели уровня бедности могут быть иными, и для их идентификации нужны дополнительные исследования. При всех погрешностях измерения высокие всплески уровня семейной бедности, если они своевременно не «гасятся» целенаправленными действиями правительства, становятся опасными (несут высокие риски), поскольку более чем что-либо иное разрушают потенциал устойчивости домохозяйств и создают социальное напряжение в обществе.

Для оценки рисков уровня семейной бедности мы провели анализ разрыва в благосостоянии между домохозяйствами с доходами ниже и выше прожиточного уровня (рис. 3).

Уровень дохода семей первой (более обеспеченной) группы превышает уровень дохода второй (бедной) группы примерно в 3–4 раза. Линии трендов доходов отчетливо показывают нарастание разрыва (неравенства) в доходах между этими группами. Мы видим, что в по-

следние два десятилетия доля домохозяйств с доходами ниже прожиточного минимума сокращается, но разрыв в доходах между бедными и более обеспеченными семьями увеличивается, делая бедные семьи более уязвимыми при столкновении с социальными и экономическими потрясениями в сравнении с более обеспеченными домохозяйствами.

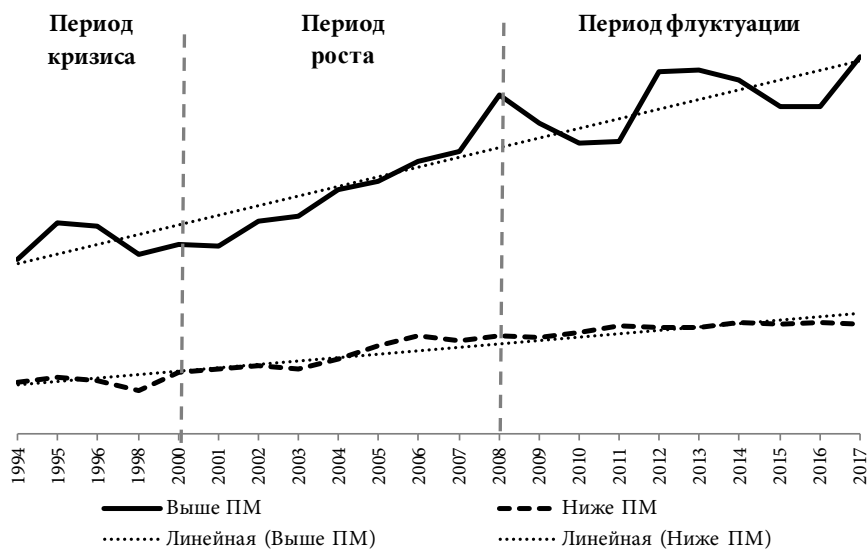

Рис. 3. Динамика изменения уровня среднедушевого дохода в семьях, имеющих доход выше и ниже официально установленного уровня прожиточного минимума (по данным RLMS–HSE), руб. 2017 года

Устойчивость сложной системы определяется способностью самого слабого ее звена выдержать шок, выстоять, не разрушиться и сохранить возможности для своего восстановления. Безопасность сложной социально-экономической системы резко снижается, если в течение продолжительного времени происходит абсолютное падение уровня и качества жизни самых бедных семей при росте благосостояния других групп населения. Этого стремится не допустить государство при столкновении с сильными шоками, заблаговременно создавая механизмы защиты и наращивания устойчивости наиболее уязвимых социальных групп.

Почему нарастает неравенство в доходах между наименее обеспеченной и более обеспеченными группами населения? Это происходит потому, что в течение десятилетий ресурсы, формирующие потенциал устойчивого развития домохозяйств, перераспределяются от наименее обеспеченной социальной группы к более обеспеченным.

Различия в источниках денежных доходов (стратегиях поддержания устойчивости) между семьями с доходами выше и ниже прожиточного

минимума. По данным нашего исследования, если в кризисные времена в семьях с доходом выше прожиточного минимума основной источник семейного бюджета — это доходы от работы на государственных предприятиях (важность 25,6%), затем идут вдвое менее значимые заработки на частных предприятиях (13,0%), доход от продажи продукции личного подсобного хозяйства (12,35%) и пенсии (11,1%), то в наименее обеспеченных семьях пенсии оказались важнее, чем заработки на госпредприятиях (24,0 и 22,9% соответственно), затем идут доходы от продажи сельхозпродукции (11,7%). По основным статьям семейного бюджета доходы наименее обеспеченных семей отстают от доходов более обеспеченных семей.

На протяжении последующих периодов роста и флуктуаций в структуре источников бюджета в семьях с доходом выше прожиточного минимума повышаются доли более рентабельных и быстро растущих видов доходов, увеличивая тем самым потенциал устойчивости домохозяйств: значимость доходов от продажи продукции личного подсобного хозяйства упала в 5 раз (до 2,4%), доля заработков на быстро растущих частных предприятиях поднялась вдвое (до 27,6%) и превысила долю заработков на госпредприятиях (25,0%), при этом значимость пенсий, как оказалось, также выросла вдвое (до 22,5%); теперь на эти три основных источника (с равной значимостью) приходится три четверти общего дохода более обеспеченных домохозяйств.

В это же время наименее обеспеченные семьи оказались не в состоянии перераспределить источники своих доходов в той же мере. Значимость пенсий для них не выросла, а уменьшилась с 24,0% до 21,3% (при том, что в 2007 г. реальная средняя пенсия составляла 62,8% от уровня 1991 г. [10, с. 7]), а в 2015 г. — 35,2% от средней заработной платы [12]), уступив первое место заработкам на госпредприятиях (26,1%). Бедные домохозяйства были вынуждены сохранить более высокой (по сравнению с обеспеченными семьями) долю доходов от продажи продукции личного подсобного хозяйства (4,0%) и смогли увеличить долю заработков на частных предприятиях в существенно меньшей степени (до 19,7%). Иными словами, во времена экономического роста более обеспеченные домохозяйства свой потенциал устойчивости (более высокий по сравнению с бедными семьями) наращивали быстрее, чем наименее обеспеченные домохозяйства (с изначально более низким потенциалом устойчивости).

Уровень образования членов домохозяйств и бедность. На рисунке 4 представлена динамика изменения доли лиц с высшим образованием в общей численности семей со среднедушевым доходом ниже прожиточного минимума (бедные) и выше прожиточного минимума (небедные). На протяжении всего периода наблюдений доля лиц с высшим образованием в более обеспеченных семьях была в 2–3 раза выше, чем в бедных семьях. На протяжении всего трансформацион-

ного периода человеческий капитал перераспределялся между бедными и более обеспеченными домохозяйствами в пользу последних: доля лиц с высшим образованием в бедных семьях была ниже, чем в более обеспеченных в 1994–1998 гг. на 8 процентных пунктов, в 2000–2007 гг. — на 10 процентных пунктов, в 2008–2017 гг. — на 14 процентных пунктов, и процесс этот ускоряется. Соответственно, бедные домохозяйства становились все менее устойчивыми по сравнению с обеспеченными, и более всего они проигрывали в возможностях наращивать свой трансформационный потенциал.

На протяжении всего периода *доля работающих* в процентах к общему числу членов семьи в бедных семьях была ниже, чем в более обеспеченных, в среднем на 10 процентных пунктов (примерно 30% и 40% соответственно).

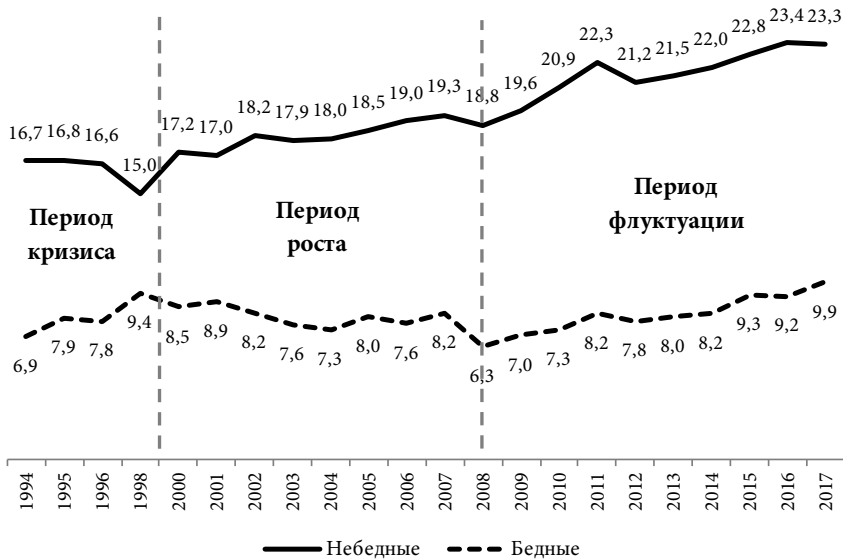

Рис. 4. Динамика изменения доли лиц с высшим образованием в общей численности семей со среднедушевым доходом ниже прожиточного минимума (бедные) и выше прожиточного минимума (небедные) (по данным RLMS–HSE), %

Тип поселения и бедность. Наиболее трудный, кризисный период был самым тяжелым для жителей села, около 60% которых находились за чертой бедности; доля бедных семей на селе в 1994–1998 гг. была на 9 процентных пунктов выше, чем в городах (см. рис. 5).

Во время экономического роста снижение уровня бедности в сельских населенных пунктах происходило медленнее, чем в городах: в 1999–2007 гг. доля бедных семей в селе снизилась на 35%, то есть на треть (до 38,3% в 2007 г.), в городах — на 60%, или более чем вдвое (до

20,8% в 2007 г.). В результате разрыв в доле бедных домохозяйств между селом и городом увеличился вдвое: доля бедных домохозяйств на селе была на 19 процентных пунктов выше, чем в городах.

В 2017 г. доля семей за чертой бедности составляла: в городах 9,6%, в селах 20,8%; разрыв в доле бедных домохозяйств между городом и селом сократился до 13 процентных пунктов.

В решении этой проблемы главную роль могут сыграть муниципальные программы преодоления бедности, рассматривающие городские и сельские поселения как одну живую систему.

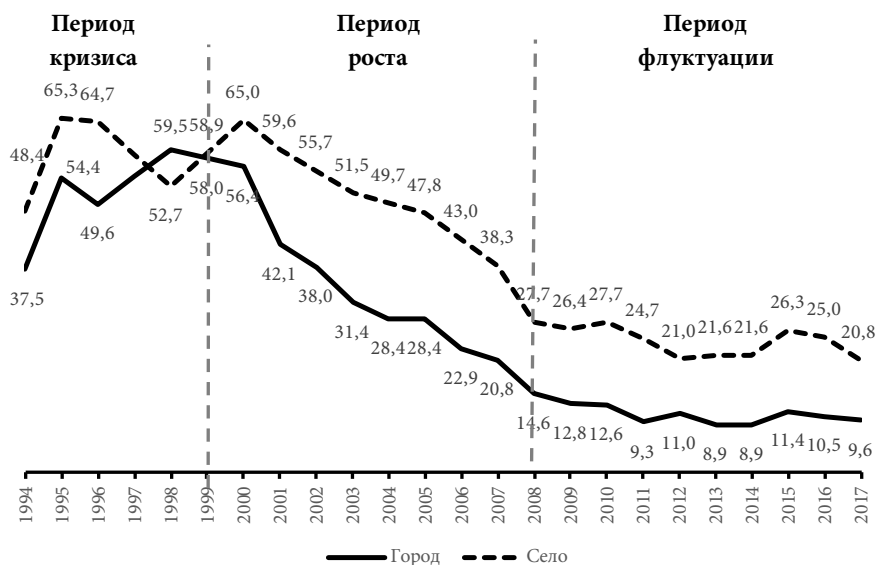

Рис. 5. Динамика изменения доли бедных семей*
(со среднедушевым доходом ниже официально установленного прожиточного минимума), проживающих в городе и на селе
(по данным RLMS–HSE), %

*Доля бедных семей в 1997 и 1999 г. рассчитана как среднее между предыдущим и последующим значениями.

Демографические стратегии домохозяйств. Доля детей до 15 лет в семье (детская нагрузка на семью) в домохозяйствах с доходами ниже прожиточного уровня на протяжении всего анализируемого периода была выше, чем в более обеспеченных семьях; у тех и других домохозяйств доля детей в семье снижалась до 2005–2008 гг. (рисунок 6). Десятилетие быстрого экономического роста изменило семейные демографические стратегии, и доля детей в семьях растет быстрее в домохозяйствах с доходами ниже прожиточного минимума (с 13,6% в 2005 г. до 21,8% в 2017 г., или в 1,6 раза), чем в более обеспеченных.

Такая тенденция увеличивает адаптационный потенциал домохозяйств в долгосрочной перспективе, но при неблагоприятном сценарии развития экономики в краткосрочной перспективе может снизить устойчивость домохозяйств с доходами ниже прожиточного минимума (в период флуктуации возникает отрицательная связь между доходами семей и долей детей до 15 лет). К примеру, если неожиданно снизятся доходы бедных домохозяйств.

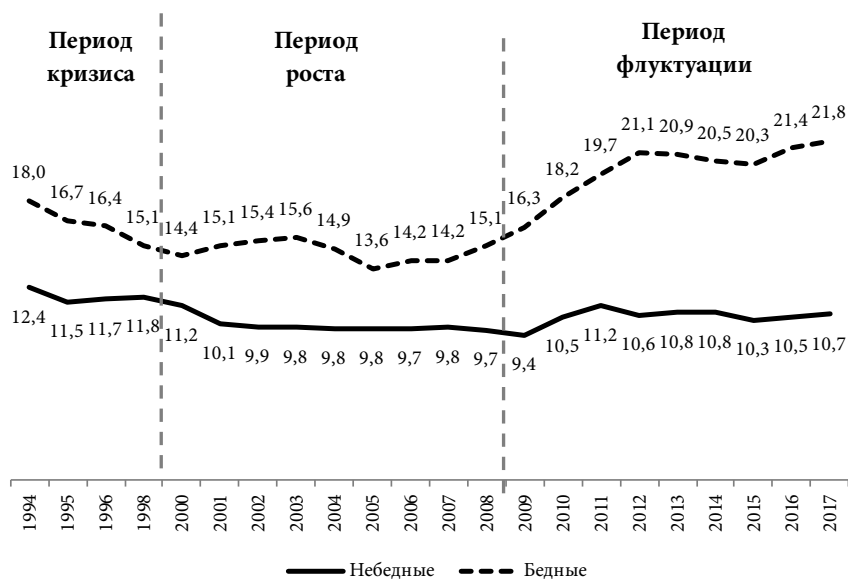

Рис. 6. Динамика изменения доли детей до 15 лет в общей численности семей со среднедушевым доходом ниже прожиточного минимума (бедные) и выше прожиточного минимума (небедные) (по данным RLMS–HSE), %

Доля пенсионеров (65+) в семье имеет положительную связь с устойчивостью домохозяйств и высокую значимость. Динамика изменения доли лиц старше 65 лет представлена на рисунке 7.

У домохозяйств с доходами ниже и выше прожиточного минимума показатели доли пожилых с середины 1990-х движутся параллельно, иногда пересекаясь, до начала периода флуктуаций. После чего их траектории расходятся: доля пенсионеров в бедных семьях стремительно падает втрое (с 16,1% в 2008 г. до 5,3% в 2011 г.), тогда как доля пенсионеров в более обеспеченных семьях после неглубокого снижения возобновляет рост. В 2008–2017 гг. доля пенсионеров в бедных семьях была вдвое ниже доли пенсионеров в более обеспеченных семьях.

Это обстоятельство повышает риски падения потенциала устойчивости бедных домохозяйств при усилении турбулентности эконо-

мического развития, ибо пенсионные доходы отличаются высокой устойчивостью. Одним из инструментов предупреждения (снижения) возможных социальных и экономических потерь является программа работы с пожилыми людьми, в первую очередь одиночками, основные положения которой мы обосновали в работе [3].

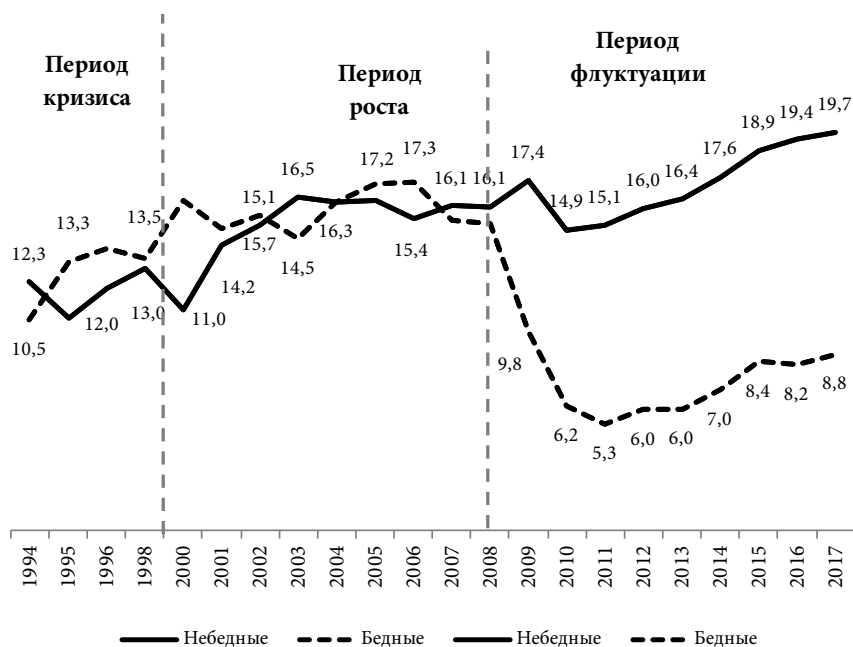

Рис. 7. Динамика изменения доли лиц старше 65 лет в общей численности семей со среднедушевым доходом ниже прожиточного минимума (бедные) и выше прожиточного минимума (небедные) (по данным RLMS–HSE), %

Размер домохозяйства (численность семьи). Есть социальные группы, в которых увеличение размера домохозяйства приводит к росту его денежных доходов; и есть группы, в которых мы наблюдаем обратную зависимость: рост размера домохозяйства ведет к снижению его доходов и, соответственно, снижению устойчивости (рис. 8).

У домохозяйств с доходами ниже прожиточного уровня, отличающихся невысоким потенциалом устойчивости, во время тяжелого экономического шока 1994–1998 гг. средний размер семьи уменьшается с 3,1 до 2,8 человек; в период последующего роста и флуктуаций средний размер домохозяйств возрастает до 3,4, отражая наращивание их адаптационного потенциала.

Размер домохозяйств с доходами выше прожиточного минимума гораздо менее чувствителен к экономическим падениям и подъе-

мам; при этом зафиксирована тенденция снижения размера семьи (с 2,8 в 1994 г. до 2,6 чел. в 2017 г.).

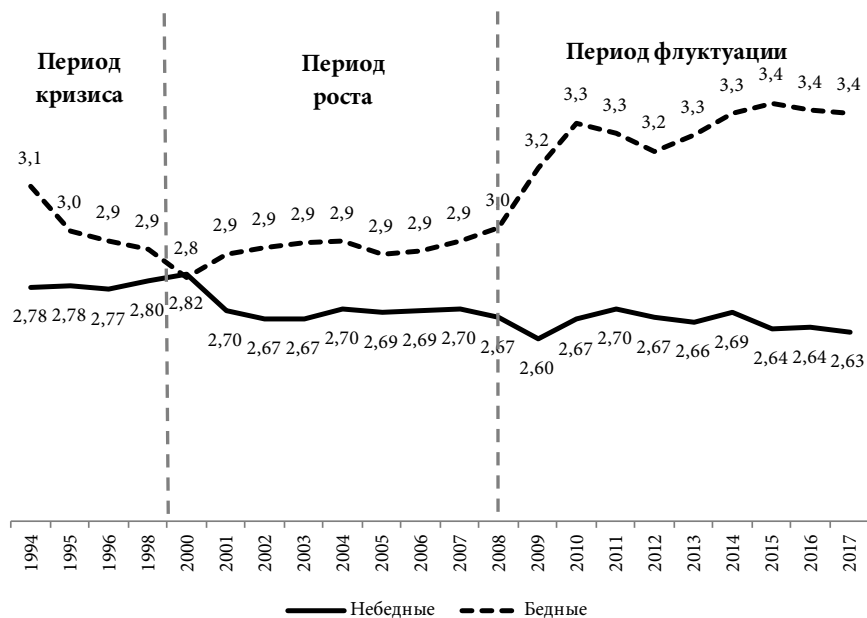

Рис. 8. Динамика изменения средней численности семей со среднедушевым доходом ниже прожиточного минимума (бедные) и выше прожиточного минимума (небедные) (по данным RLMS–HSE), чел.

Удовлетворенность жизнью. Экономические измерения должны быть дополнены индикаторами субъективного благополучия, основной из которых — удовлетворенность жизнью. На рисунке 9 представлена динамика доли удовлетворенных своей жизнью членов домохозяйств.

Доля лиц, удовлетворенных жизнью, выше в семьях с доходом выше прожиточного минимума на всем протяжении анализируемого периода. Показатель удовлетворенности жизнью среди лиц из бедных семей в среднем на 10–12 процентных пунктов ниже.

В момент самого глубокого падения экономики зафиксирован максимальный разрыв в удовлетворенности жизнью между бедными и более обеспеченными людьми: доля удовлетворенных жизнью среди бедных вдвое меньше, чем среди более обеспеченных.

В период быстрого роста экономики разрыв в удовлетворенности жизнью существенно уменьшается, поскольку удовлетворенность жизнью у лиц с доходами ниже прожиточного минимума увеличивается

быстрее, чем у более обеспеченных; к 2007 г. доля удовлетворенных жизнью среди бедных составляет уже три четверти по отношению к доле удовлетворенных жизнью среди более обеспеченных.

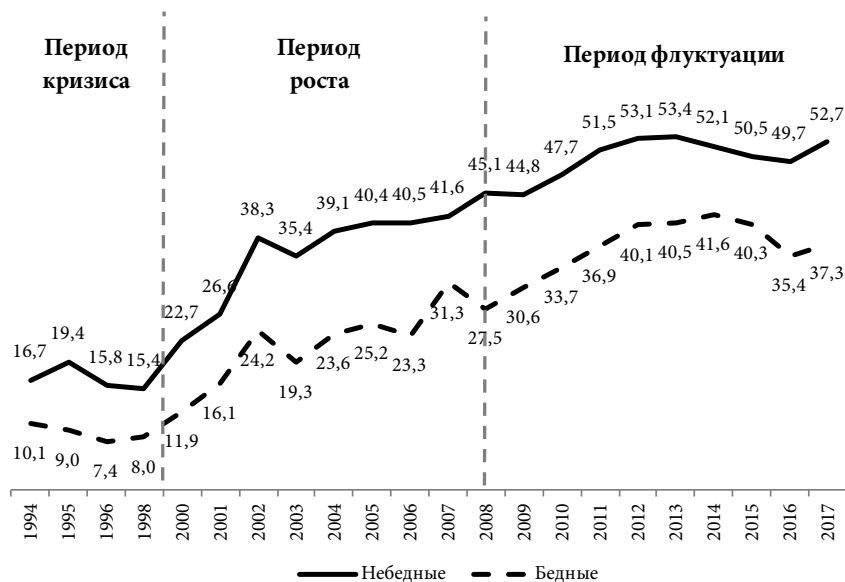

Рис. 9. Динамика изменения доли лиц, удовлетворенных своей жизнью,* в семьях со среднедушевым доходом ниже прожиточного минимума (бедные) и выше прожиточного минимума (небедные) (по данным RLMS–HSE), %

*Вопрос формулировался следующим образом: «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?» (1 полностью удовлетворены ÷ 5 совсем не удовлетворены; к числу неудовлетворенных относятся респонденты, выбравшие варианты 4 и 5).

В кризис 2008 г. это соотношение снижается до 61% (удовлетворенность жизнью у бедных упала сильнее), но затем тренд на сближение уровня удовлетворенности жизнью между бедными и более обеспеченными домохозяйствами восстанавливается. К 2014 г. доля удовлетворенных жизнью лиц с доходами ниже прожиточного минимума достигает максимума (80%) по отношению к доле удовлетворенных жизнью с доходами выше прожиточного минимума.

Закключение

Амплитуда роста или падения ВВП является критически важным фактором устойчивости домохозяйств, определяющим их благополучие, в том числе и долю семей с доходами ниже прожиточного минимума.

Экономический шок 1990-х гг. был для домохозяйств неожиданным по своей силе и продолжительности, его интенсивность значительно превышала поглощающий потенциал домохозяйств, что привело к двукратному падению реальных денежных доходов населения и резкому увеличению доли бедных. В период экономического роста домохозяйства стремительно наращивают свой адаптационный и трансформационный потенциал при поддержке государства, реальные денежные доходы населения растут быстрее, чем ВВП (что выделяет Россию в сравнении с большинством стран ОЭСР), превышая дореформенный уровень; доля семей со среднедушевым доходом ниже прожиточного минимума уменьшилась более чем вдвое. В период флуктуации взаимосвязь между ВВП и денежными доходами населения становится статистически не значимой.

Более устойчивы домохозяйства, способные обеспечить занятость и высокую квалификацию своим членам. Отсюда — стремление людей к полной занятости и повышению образования во все времена, и социальная политика государства, поддерживающая эти устремления людей.

Всегда имеет существенное значение доля экономически активных членов семьи, способных в той или иной форме участвовать в увеличении ее доходов. Важность этого фактора повышается в кризис и снижается в период экономического роста. В кризис сильнее выражено стремление людей работать на государственных предприятиях и в организациях, более устойчивых в трудные времена. В период экономического роста домохозяйства более ориентируются на работу на частных предприятиях, которые развиваются активнее.

От характерных для кризисного периода стратегий выживания, таких как рост продаж продукции личного подсобного хозяйства, валюты и драгоценностей, увеличение заимствований и снижение потребления, в период экономического роста домохозяйства переходят к стратегиям наращивания адаптационного потенциала, в первую очередь — к стратегиям повышения качества человеческого капитала домохозяйств до уровня, позволяющего включаться в более производительные (доходные) и устойчивые виды деятельности.

Снижение доли домохозяйств с доходами менее прожиточного минимума по мере роста ВВП одновременно сопровождается усилением неравенства в потенциалах устойчивого развития между бедными и более обеспеченными семьями. Во времена экономического роста более обеспеченные домохозяйства свой потенциал устойчивости (изначально более высокий по сравнению с бедными семьями) наращивали быстрее, чем наименее обеспеченные домохозяйства (с изначально более низким потенциалом устойчивости). Разрыв в устойчивости между этими группами увеличивается вследствие нарастания различий в возрастной структуре семей, в уровне образования и занятости, в структуре источников доходов.

Устойчивость сложной социально-экономической системы определяется способностью самого слабого ее звена (это семьи с доходами ниже прожиточного минимума) выдержать шок, сохранить возможности для своего восстановления и развития. За видимой положительной динамикой общих показателей благополучия (в том числе доли бедных семей) может остаться невидимым падение потенциала устойчивости самого слабого звена (следовательно, и системы в целом) до уровня, который окажется недостаточным для преодоления следующего экономического шока, интенсивность которого заранее предсказать сложно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брюханов М.В., Поляченко С.С.* Анализ изменений доходов и расходов российских домохозяйств // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2017. № 3 (93). С. 35–43 [электронный ресурс]. Дата обращения 22.03.2019. URL: https://vest.rea.ru/jour/article/view/290?locale=ru_RU DOI: 10.21686/2413-2829-2017-3-35-43
2. *Воронин Г.Л., Захаров В.Я., Козырева П.М.* Кому на Руси жить хорошо? Двадцать лет спустя: 1994–2013 гг. // Социологический журнал. 2016. Том 22. № 1. С. 26–53. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.1.3918
3. *Воронин Г.Л., Захаров В.Я., Козырева П.М.* Одинокие пожилые: доживают или активно живут? // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 3. С. 32–55.
4. Всероссийская перепись населения 2010. Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 [электронный ресурс]. Дата обращения 22.03.2019. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
5. *Данилов Ю.А.* Риски наступления неплатежеспособности домохозяйств в региональном разрезе // Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. 2015. — 21 с. [электронный ресурс]. Дата обращения 22.03.2019. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=30412&p=attachment>
6. Данные мониторинга RLMS–HSE в формате IBM SPSS Statistics [электронный ресурс]. Дата обращения 03.07.2018. URL: <https://www.hse.ru/rlms/spss>
7. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Цели устойчивого развития ООН и Россия. Краткая версия // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2016. — 44 с. [электронный ресурс]. Дата обращения 22.03.2019. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/11138.pdf>
8. Население России в 2017 году: доходы, расходы и социальное самочувствие // Мониторинг НИУ ВШЭ. Итоги года / Под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2018. — 39 с.
9. Последствия катастроф: когда корпоративная помощь особенно важна // Harvard Business Review. Россия. Январь – февраль 2019. С. 9–11.
10. *Овчарова Л.Н., Попова Д.О.* Доходы и расходы домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления // Мир России. 2013. № 3. С. 3–34.

11. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке / Пер. с франц. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. — 592 с
12. Россия в цифрах. 2017: Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2017. — 511 с. [электронный ресурс]. Дата обращения 22.03.2019. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/rusfig/rus17.pdf
13. *Салин В.Н., Качанова Н.Н., Глебкова И.Ю.* Статистический анализ финансов домашних хозяйств // Вестник Финансового университета. 2016. № 3. С. 72–82 [электронный ресурс]. Дата обращения 22.03.2019. URL: <https://financetr.fa.ru/jour/article/download/412/339>
14. Социальная политика в России: долгосрочные тенденции и изменения последних лет. Доклад / Отв. ред. Я.И. Кузьминов, Л.Н. Овчарова, Л.И. Якобсон; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. — 393 с. [электронный ресурс]. Дата обращения 22.03.2019. URL: <https://www.hse.ru/science/news/170689489.html>
15. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2017: Статистический сборник. М.: Росстат, 2017. — 332 с. [электронный ресурс]. Дата обращения 22.03.2019. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/soc-pol.pdf
16. *Талеб Н.Н.* Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / Пер. с англ. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. — 768 с.
17. *Bahadur A., Pichon F.* Analysis of Resilience Measurement Frameworks and Approaches. Overseas Development Institute. Working Paper. 2016. — 65 p. [online]. Accessed 22.03.2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/318208750_Analysis_of_Resilience_Measurement_Frameworks_and_Approaches
18. *Barret M.A., Constas M.F.* Toward a Theory of Resilience for International Development Application // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. Vol. 111. No. 40. P. 14625–14630 [online]. Accessed 22.03.2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/266028761_Toward_a_Theory_of_Resilience_for_International_Development_Applications DOI: 10.1073/pnas.1320880111
19. *Béné C., Wood R.G., Newsham A., Davies M.* Resilience: New Utopia or New Tyranny? Reflection about the Potentials and Limits of the Concept of Resilience in Relation to Vulnerability Reduction Programmes // IDS Working Paper 405. Brighton: Institute of Development Studies, 2012. — 61 p. [online]. Accessed 22.03.2019. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/j.2040-0209.2012.00405.x>
20. *Béné C.* Towards a quantifiable measure of resilience // IDS Working Paper. 2013. No. 434 [online]. Accessed 22.03.2019. URL: www.ids.ac.uk/publication/towards-a-quantifiable-measure-of-resilience DOI: 10.1111/j.2040-0209.2013.00434.x
21. *Béné C., Frankenberger T., Nelson S.* Design, Monitoring and Evaluation of Resilience Interventions: Conceptual and Empirical Considerations. 2015 // IDS Working Paper. No. 459. 2015. — 26 p. [online]. Accessed 22.03.2019. URL: <https://opendocs.ids.ac.uk/opendocs/bitstream/handle/123456789/6556/Wp459.pdf;jsessionid=ED37AE6D7CDE65C65B10D735EBF1B402?sequence=1>

22. *Constas M., Frankenberger T., Hoddinott J., Mock N., Romano D., Béné C., Maxwell D.* A Common Analytical Model for Resilience Measurement: Causal Framework and Methodological Options, Food Security Information Network (FSIN). Technical Series No. 2. Rome: World Food Programme, 2014. — 46 p. [online]. Accessed 22.03.2019. URL: [http://www.fsincop.net/fileadmin/user_upload/fsin/docs/resources/FSIN_Paper2_WEB_1dic%20\(WEB\).pdf](http://www.fsincop.net/fileadmin/user_upload/fsin/docs/resources/FSIN_Paper2_WEB_1dic%20(WEB).pdf)
23. COSA. 2017. Simpler Resilience Measurement: Tools to Diagnose and Improve How Households Fare in Difficult Circumstances from Conflict to Climate Change. Philadelphia, PA: The Committee on Sustainability Assessment. — 39 p. [online]. Accessed 22.03.2019. URL: <https://thecosa.org/wp-content/uploads/2018/04/COSA-FORD-Simpler-Resilience-Measurement-Full-20180413.pdf>
24. *Frankenberger T., Mueller M., Spangler T., Alexander S.* Community Resilience: Conceptual Framework and Measurement Feed the Future Learning Agenda. Rockville, MD: Westat, 2013. — 49 p. [online]. Accessed 22.03.2019. URL: https://www.agrilinks.org/sites/default/files/resource/files/FTF%20Learning_Agenda_Community_Resilience_Oct%202013.pdf
25. Households' economic well-being: The OECD dashboard [online]. Accessed 22.03.2019. URL: <http://www.oecd.org/sdd/na/household-dashboard.htm>
26. Human Development Report 2014. Sustaining Human Progress: Reducing Vulnerabilities and Building Resilience. New York: United Nations Development Programme, 2014. — 239 p. [online]. Accessed 22.03.2019. URL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14-report-en-1.pdf> DOI: 10.18356/5e9fd0b2-en
27. OECD Guidelines on Measuring Subjective Well-being. Paris: OECD Publishing, 2013 [online]. DOI: 10.1787/9789264191655-en
28. OECD Guidelines for resilience systems analysis // OECD Publishing, 2014. — 47 p. [online]. Accessed 22.03.2019. URL: <https://www.oecd.org/dac/Guidelines%20for%20Resilience%20Systems%20Analysis%20-%20Landscape%20Facilitation%20Guide.pdf>
29. *Kozyreva P., Kosolapov M., Popkin B.* Data Resource Profile: The Russia Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS-HSE) Phase II: Monitoring the Economic and Health Situation in Russia, 1994–2013 // International Journal of Epidemiology. 2016. Vol. 45 (2). P. 395–401. DOI: doi.org/10.1093/ije/dyv357
30. Measuring Sustainable Development. United Nations Economic Commission for Europe. (Eurostat). New York and Geneva: United nations, 2009. — 114 p. [online]. Accessed 22.03.2019. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/Measuring_sustainable_development.pdf DOI: 10.18356/cf7978f8-en
31. Measuring Sustainable Development. Conference of European Statisticians Recommendations. United Nations Economic Commission for Europe. (Eurostat). New York and Geneva: United nations, 2014. — 226 p. [online]. Accessed 22.03.2019. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2013/CES_SD_web.pdf DOI: 10.18356/e2f665ae-en
32. RIMA – II. Resilience Index Measurement and Analysis – II. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). Rome, 2016. — 80 p. // FAO 2016. URL: <http://www.fao.org/3/a-i5665e.pdf> DOI: 10.1787/9789264244047-23-en

33. Road Map on Statistics for Sustainable Development Goals. Conference of European Statisticians. United Nations Economic Commission for Europe. (Eurostat). New York and Geneva: United nations, 2017. — 82 p. [online]. Accessed 22.03.2019. URL: <https://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2017/ECECESSTAT20172.pdf> DOI: 10.18356/29f213fa-en
34. *Sturgess P.* Measuring Resilience. Evidence on Demand, UK: DFID. 2016. — 51 p. [online]. Accessed 22.03.2019. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/57a08956e5274a27b200002f/EoD_Topic_Guide_Measuring_Resilience_May_2016.pdf
35. Toolkit for Measuring Community Disaster Resilience // Guidance Manual. Prepared by GOAL. 2015. — 63 p. [online]. Accessed 22.03.2019. URL: https://www.goalglobal.org/images/GOAL_Toolkit_Disaster_Resilience_Guidance_Manual_May_2015.compressed.pdf

Дата поступления: 15.08.2019.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2020.
VOL. 26. No. 1. P. 55–86. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7053

G.L. VORONIN

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russian Federation.

V.YA. ZAKHAROV

Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering (NNGASU), Nizhny Novgorod, Russian Federation.

P.M. KOZYREVA

Federal Center of Theoretical and Applied Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Gennadiy L. Voronin — Doctor of Sociology, Leading Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Address: 24/35, bl. 5, Krzhizhanovskogo St., 117218, Moscow, Russian Federation.
Phone: +7 (499) 125-80-88. **Email:** voroningmail@rambler.ru

Vladimir Ya. Zakharov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Chair of innovation management, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering (NNGASU).

Address: 65, Ilyinskaya St., 603950, Nizhny Novgorod, Russian Federation.
Phone: +7 (831) 430-93-52. **Email:** zaxarov48@yandex.ru

Polina M. Kozyreva — Doctor of Sociology, First Deputy Director, Federal Center of Theoretical and Applied Studies of the Russian Academy of Sciences; Director, the Center for Longitudinal Studies of the NRU Higher School of Economics.

Address: 24/35, bl. 5, Krzhizhanovskogo St., 117218, Moscow, Russian Federation.
Phone: +7 (499) 125-80-88. **Email:** pkozyreva@isras.ru

MEASURING THE STABILITY OF HOUSEHOLDS: 1994–2017

Abstract. This article analyzes the stability dynamic of Russian households over the last two decades, as well as its determinants. The methodology used for measuring stability is

that which is being developed by intergovernmental bodies such as The United Nations (UN) and the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD). The empirical base of the study consists of data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS–HSE). The acquired results speak to the viability of Russian households: families' average real capita income, after decreasing twofold during the crisis period (1994–1998), not only recovered and returned to pre-reform values, but even exceeded the latter by one third during the period of rapid growth (2000–2007). Strategies for increasing the stability potential of households change depending on economic recessions and upsurges. It is shown that a decline in the proportion of households with income below minimal cost of living during growth of GDP was accompanied by an increasing inequality in stable development potential between the poor and the more wealthy families throughout the entire examined period, and especially from 2008 to 2017. Scattered local measures aimed at reducing poverty can result in a more pronounced synergetic effect, if we were to view households with income below minimal cost of living as a complex socio-economic system.

Keywords: stability of households; shocks and stressors; conceptual and analytical models for measuring stability; determinants of stability; social policy.

For citation: Voronin G.L., Zakharov V.Ya., Kozyreva P.M. Measuring the Stability of Households: 1994–2017. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2020. Vol. 26. No. 1. P. 55–86. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7053

REFERENCES

1. Bryukhanov M.V., Polyachenko S.S. Analysis of Measured Expenditures and Income of Russian Households. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova*. 2017. No. 3 (93). P. 35–43. Accessed 22.03.2019. URL: https://vest.rea.ru/jour/article/view/290?locale=ru_RU DOI: 10.21686/2413-2829-2017-3-35-43 (In Russ.)
2. Voronin G.L., Zakharov V.Ya., Kozyreva P.M. “Who lives well in Russia?” 1994–2013 Monitoring survey. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2016. Vol. 22. No. 1. P. 26–53. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.1.3918 (In Russ.)
3. Voronin G.L., Zakharov V.Ya., Kozyreva P.M. Lonely old aged: Surviving or living an active life? *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 3. P. 32–55. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.3.5992 (In Russ.)
4. *Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010. Toma ofitsial'noi publikatsii itogov Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010*. [All-Russian Census 2010. Volumes of the official publication of the results of the All-Russian Census 2010.] Accessed 22.03.2019. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (In Russ.)
5. Danilov Yu.A. *Riski nastupleniya neplatezhesposobnosti domokhozyaistv v regional'nom razreze*. [Risks of insolvency of households by regions.] Lomonosov Moscow State University. Preprint series of the economic department. 2015. 21 p. Accessed 22.03.2019. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=30412&p=attachment> (In Russ.)
6. *Dannye monitoringa RLMS–HSE v formate IBM SPSS Statistics*. [Russia Longitudinal Monitoring Survey of HSE in IBM SPSS Statistics format]. Accessed 03.07.2018. URL: <https://www.hse.ru/rlms/spss> (In Russ.)
7. *Doklad o chelovecheskom razvitií v Rossiiskoi Federatsii. Tseli ustoychivogo razvitiya OON i Rossiya. Kratkaya versiya. Analiticheskii tsentr pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii. 2016*. [Human Development Report in the Russian Federation. Sustainable Development Goals of the UN and Russia. Short version version. Analytical Center under the Government of the Russian Federation. 2016.] 44 p. Accessed 22.03.2019. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/11138.pdf> (In Russ.)
8. *Naselenie Rossii v 2017 godu: Dokhody, raskhody i sotsial'noe samochuvstvie. Monitoring NIU VShE. Itogi goda*. [The population of Russia in 2017: Income, expenditure and social well-being. HSE monitoring. Results of the year.] Ed. by L.N. Ovcharova. Moscow: NIU VShE publ., 2018. 39 p. (In Russ.)

9. The consequences of disasters: When corporate assistance is especially important. *Harvard Business Review. Russia*. Best ideas. January–February, 2019. P. 9–11. (In Russ.)
10. Ovcharova L.N., Popova D.O. Household Income and Expenditure: What Has Changed in Mass Consumption Standard. *Mir Rossii*. 2013. No. 3. P. 3–34. (In Russ.)
11. Piketty T. Le capital au 21e siècle. [Russ. ed.: *Kapital v XXI veke*. Transl. from French. Moscow: Ad Marginem Press publ., 2016. 592 p.]
12. *Rossiya v tsifrakh. 2017: Kratkii statisticheskii sbornik*. [Russia in numbers. 2017: A Brief Statistical Digest.] Moscow: Rosstat publ., 2017. 511 p. Accessed 22.03.2019. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/rusfig/rus17.pdf (In Russ.)
13. Salin V.N., Kachanova N.N., Glebkova I.Yu. Statistical analysis of household finances. *Vestnik Finansovogo universiteta*. 2016. No. 3. P. 72–82. Accessed 22.03.2019. URL: <https://financetp.fu.ru/jour/article/download/412/339> (In Russ.)
14. *Sotsial'naya politika v Rossii: dolgosrochnye tendentsii i izmeneniya poslednikh let. Doklad*. [Social policy in Russia: Long-term trends and changes in recent years. Report.] Ed. by Ya.I. Kuz'minov, L.N. Ovcharova, L.I. Yakobson. Moscow: Izdatel'skii dom VShE publ., 2015. 393 p. Accessed 22.03.2019. URL: <https://www.hse.ru/science/news/170689489.html> (In Russ.)
15. *Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii. 2017: Statisticheskii sbornik*. [Social status and living standards of the population of Russia. 2017: Statistical Digest.] Moscow: Rosstat publ., 2017. 332 p. Accessed 22.03.2019. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/soc-pol.pdf (In Russ.)
16. Taleb N.N. *Antifragile*. [Russ. ed.: *Antikhrupkost'. Kak izvlech' vygodu iz khaosa*. Transl. from Eng. Moscow: KoLibri publ., Azbuka-Attikus publ., 2015. 768 p.]
17. Bahadur A., Pichon F. Analysis of Resilience Measurement Frameworks and Approaches. Overseas Development Institute. *Working Paper*. 2016. 65 p. Accessed 22.03.2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/318208750_Analysis_of_Resilience_Measurement_Frameworks_and_Approaches
18. Barret M.A., Constan M.F. Toward a Theory of Resilience for International Development Application. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2014. Vol. 111. No. 40. P. 14625–14630. Accessed 22.03.2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/266028761_Toward_a_Theory_of_Resilience_for_International_Development_Applications DOI: 10.1073/pnas.1320880111
19. Béné C., Wood R.G., Newsham A., Davies M. Resilience: New Utopia or New Tyranny? Reflection about the Potentials and Limits of the Concept of Resilience in Relation to Vulnerability Reduction Programmes. *IDS Working Paper 405*. Brighton: Institute of Development Studies, 2012. 61 p. Accessed 22.03.2019. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/j.2040-0209.2012.00405.x>
20. Béné C. Towards a quantifiable measure of resilience. *IDS Working Paper*. 2013. No. 434. Accessed 22.03.2019. URL: www.ids.ac.uk/publication/towards-a-quantifiable-measure-of-resilience DOI: 10.1111/j.2040-0209.2013.00434.x
21. Béné C., Frankenberger T., Nelson S. Design, Monitoring and Evaluation of Resilience Interventions: Conceptual and Empirical Considerations. 2015. *IDS Working Paper*. No. 459. 26 p. Accessed 22.03.2019. URL: <https://opendocs.ids.ac.uk/opendocs/bitstream/handle/123456789/6556/Wp459.pdf;jsessionid=ED37AE6D7CDE65C65B10D735EBF1B402?sequence=1>
22. Constan M., Frankenberger T., Hoddinott J., Mock N., Romano D., Béné C., Maxwell D. *A Common Analytical Model for Resilience Measurement: Causal Framework and Methodological Options, Food Security Information Network (FSIN). Technical Series No. 2*. Rome: World Food Programme, 2014. 46 p. Accessed 22.03.2019. URL: [http://www.fsincop.net/fileadmin/user_upload/fsin/docs/resources/FSIN_Paper2_WEB_1dic%20\(WEB\).pdf](http://www.fsincop.net/fileadmin/user_upload/fsin/docs/resources/FSIN_Paper2_WEB_1dic%20(WEB).pdf)

23. *COSA. 2017. Simpler Resilience Measurement: Tools to Diagnose and Improve How Households Fare in Difficult Circumstances from Conflict to Climate Change*. Philadelphia, PA: The Committee on Sustainability Assessment. 39 p. Accessed 22.03.2019. URL: <https://thecosa.org/wp-content/uploads/2018/04/COSA-FORD-Simpler-Resilience-Measurement-Full-20180413.pdf>
24. Frankenberger T., Mueller M., Spangler T., Alexander S. *Community Resilience: Conceptual Framework and Measurement Feed the Future Learning Agenda*. Rockville, MD: Westat, 2013. 49 p. Accessed 22.03.2019. URL: https://www.agrilinks.org/sites/default/files/resource/files/FTF%20Learning_Agenda_Community_Resilience_Oct%202013.pdf
25. *Households' economic well-being: The OECD dashboard*. Accessed 22.03.2019. URL: <http://www.oecd.org/sdd/na/household-dashboard.htm>
26. *Human Development Report 2014. Sustaining Human Progress: Reducing Vulnerabilities and Building Resilience*. New York: United Nations Development Programme, 2014. 239 p. Accessed 22.03.2019. RL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14-report-en-1.pdf> DOI: 10.18356/5e9fd0b2-en
27. *OECD Guidelines on Measuring Subjective Well-being*. Paris: OECD Publishing, 2013. DOI: 10.1787/9789264191655-en
28. *OECD Guidelines for resilience systems analysis*. OECD Publishing, 2014. 47 p. Accessed 22.03.2019. URL: <https://www.oecd.org/dac/Guidelines%20for%20Resilience%20Systems%20Analysis%20-%20Landscape%20Facilitation%20Guide.pdf>
29. Kozyreva P., Kosolapov M., Popkin B. Data Resource Profile: The Russia Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS-HSE) Phase II: Monitoring the Economic and Health Situation in Russia, 1994–2013. *International Journal of Epidemiology*. 2016. Vol. 45 (2). P. 395–401. DOI: doi.org/10.1093/ije/dyv357
30. *Measuring Sustainable Development. United Nations Economic Commission for Europe*. (Eurostat). New York and Geneva: United nations, 2009. 114 p. Accessed 22.03.2019. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/Measuring_sustainable_development.pdf DOI: 10.18356/cf7978f8-en
31. *Measuring Sustainable Development. Conference of European Statisticians Recommendations. United Nations Economic Commission for Europe*. (Eurostat). New York and Geneva: United nations, 2014. 226 p. Accessed 22.03.2019. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2013/CES_SD_web.pdf DOI: 10.18356/e2f665ae-en\
32. RIMA – II. Resilience Index Measurement and Analysis – II. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO). Rome, 2016. 80 p. *FAO 2016*. URL: <http://www.fao.org/3/a-i5665e.pdf> DOI: 10.1787/9789264244047-23-en
33. *Road Map on Statistics for Sustainable Development Goals. Conference of European Statisticians. United Nations Economic Commission for Europe*. (Eurostat). New York and Geneva: United nations, 2017. 82 p. Accessed 22.03.2019. URL: <https://www.unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2017/ECECESSTAT20172.pdf> DOI: 10.18356/29f213fa-en
34. Sturgess P. *Measuring Resilience. Evidence on Demand, UK: DFID*. 2016. 51 p. Accessed 22.03.2019. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/57a08956e5274a27b200002f/EoD_Topic_Guide_Measuring_Resilience_May_2016.pdf
35. Toolkit for Measuring Community Disaster Resilience. *Guidance Manual*. Prepared by GOAL. 2015. 63 p. Accessed 22.03.2019. URL: https://www.goalglobal.org/images/GOAL_Toolkit_Disaster_Resilience_Guidance_Manual_May_2015.compressed.pdf